

Давид Маркиш: в 1937-м Сталин вычеркнул имя отца из расстрельного списка

Давид Маркиш

Удостоенный семи израильских литературных премий писатель Давид Маркиш известен далеко за пределами еврейского государства — его книги издавались в США, Великобритании, Германии, Франции, Швейцарии и России. Недавно в Киеве презентовали украинские переводы трех книг мастера, чьи корни связаны с Украиной, — отец автора — выдающийся еврейский поэт Перец Маркиш родился на Волыни. О еврейской культуре в СССР, цене лояльности власти, идишландии и сионизме — в эксклюзивном интервью для «Хадашот».

— Давид, ваш отец — крупнейший еврейский поэт, писавший на идише — языке, которым вы почти не владеете. И это, к сожалению, характерно для большинства детей советских еврейских писателей... Возможно, в этом и есть главная трагедия советской еврейской культуры.

— Я появился на свет в 1938-м, когда формальное еврейское образование, в виде еврейских школ, было уже практически уничтожено. В семье родители говорили по-русски, хотя в профессиональном кругу — с друзьями-литераторами — отец общался исключительно на идише. Но, повторюсь, языком домашнего общения был русский, поэтому идиша я практически не знаю. Знал когда-то персидский, выучил (хотя и не в совершенстве) иврит, а пишу по-русски.

— Чем была для Переца Маркиша Украина? Ведь отсюда родом его семья, здесь вырос он сам и опубликовал первые свои произведения...

— Ответ на этот важный вопрос — в одной из ранних его поэм под названием «Волынь», пронизанной глубоким чувством к этой земле. Он — уроженец местечка Полонное — с раннего детства прекрасно владел украинским языком, и это тоже о многом говорит.

За «Волынью» последовала другая поэма украинского периода — «Куча», которую он начала писать в Екатеринославе. «Куча» открыла эпоху конструктивизма в еврейской поэзии и вывела Маркиша в число ведущих еврейских поэтов своего времени.

Пере́ц Маркиш в молодости

— В начале 1920-х Пере́ц Маркиш жил и творил на Западе. Что побудило его вернуться в СССР?

— Отец эмигрировал из Украины в 1922-м, а вернулся — в Украину же — в 1926 году. Это было характерно для многих еврейских литераторов того поколения, покинувших Советскую Россию. Все годы эмиграции — и отец, и киевские поэты Давид Бергельсон и Давид Гофштейн сталкивались с тем, что прожить литературой на идише в Европе было невозможно. Отец в сотрудничестве с Ури-Цви Гринбергом, Мейлахом Равичем и Шагалом выпустил два номера альманаха «Халястре» в Варшаве и Париже — и это тоже далось нелегко — приходилось постоянно искать финансирование.

Поэтому он и его собратья по перу вернулись в СССР — в то время единственную страну в мире, где на государственном уровне развивалась культура на идише. Это и многочисленные газеты, журналы и книги, театры и школы, факультеты в вузах и пр. Такого не было нигде в мире. При всем этом, спустя год после возвращения — в 1927-м — отец писал другу: «Чем больше советской власти — тем меньше еврейской жизни. Я совершил ошибку». Он пытался было опять уехать на Запад, но его уже не выпускали...

— *Насколько Перец Маркиш вписался в советский контекст, не даром ведь он возглавлял Еврейскую секцию Союза писателей СССР?*

— Все художники, творившие при большевиках, платили за это свою цену. Даже у Ахматовой есть несколько просоветских стихотворений, хотя она терпеть не могла эту власть. Такие стихи были и у Пастернака. Единственный поэт, который такими опусами практически не отметился, — это Мандельштам, поплатившийся жизнью за свою эпиграмму на «кремлевского горца». Но это единичный случай, а большинство в обмен на лояльность получали возможность жить — это относится и к отдельным людям, и к целым культурам.

Перец Маркиш с женой Эстер и сыном Давидом, 1946

Более того, культуру на идише было сложнее контролировать — в отличие от других национальных культур, обладавших собственной территорией — их всегда удобнее централизовать. У евреев своей территории не было, и биробиджанский проект должен был это исправить — евреями проще управлять, когда они живут в одном месте. Ведь если соль уже в супе, то в солонку ее не соберешь.

При всем этом, говорить о том, что Маркиш вписался в советскую культуру, нельзя. Ее, по большому счету, и не было. Я за свою жизнь ни разу не встречал людей, любивших советскую власть — просто большинство ненавидели ее тихо, на кухнях. Еврейская культура находилась в особом положении, будучи относительно автономной. Разумеется, кто-то писал на идише о покорении космоса, но эта графомания в принципе не имела отношения к культуре.

— Говорят, Александр Фадеев — литературный генерал той эпохи — благоволил к вашему отцу, что спасло ему жизнь в годы Большого террора...

— Фадеев любил отца как поэта и понимал, с кем имеет дело — он был человеком проницательным. Но спасти кого-либо в годы Большого террора Фадеев, несмотря на все свое влияние, не мог — ему подавали списки, и он их подписывал. Другое дело, что в одном из списков на арест еврейских писателей в 1937-м был и Перец Маркиш, и ходил слух, что когда список этот лег на стол Сталину, вождь вычеркнул имя отца. Насколько это соответствует действительности — сказать сложно, но Фадеев рассказывал об этом моей матери. В любом случае, в 1949-м это не помогло.

— Правда ли, что Перец Маркиш отказался от поездки с Михоэлсом в США и Канаду в качестве представителя Еврейского антифашистского комитета в 1943 году?

— Да, хотя из Америки пришли два именных приглашения — Михоэлсу и моему отцу. Но он твердо сказал, что не поедет в США плясать на еврейской крови и рассказывать на банкетах, что происходит с евреями на оккупированных территориях. Он сделал это раньше — в поэме «Танцовщица из гетто», написанной еще в период Пакта о ненападении с Германией.

— Чем стало для него рождение государства Израиль?

— Отец побывал в Эрец Исраэль еще в 1923 году. Голда Меир рассказывала мне, что он жил тогда у ее сестры в Иерусалиме. Проблема в том, что Перец Маркиш хотел работать на идише, что в те годы в подмандатной Палестине было практически невозможно. И он уехал. Остался Ури-Цви Гринберг, который тоже начинал на идише, но перешел на иврит. Попытку писать на иврите предпринял и Давид Гофштейн, но спустя полтора года вернулся в СССР, чтобы продолжить творить на идише.

А в 1948-м провозглашение Израиля стало темой номер один в жизни отца и его друзей. Он был в двойственном положении — его не приглашали в израильское посольство — Голда — первый посол в Москве — понимала, чем это может для него закончиться. Но подобная осторожность его не спасла.

— Арест отца в 1949-м, его расстрел в 1952-м, ссылка семьи в Кзыл-Орду — как мальчик из интеллигентной московской семьи все это пережил? Насколько силен был шок?

— Мне было 10 лет, когда забрали отца, — детство кончилось, и три года до высылки мы прожили практически в клетке, за решеткой. В этом смысле шока не было — мы ждали плохого со дня на день — не зная, чего именно, — ареста, лагеря или ссылки. Но прекрасно понимали, что чаша сия нас не минует.

— Для отца понятие еврейской идентичности формулировалось просто — он жил в мире идишленда. А в чем для вас, после возвращения в Москву, заключалась эта идентичность?

Тюремное фото, 1949

— После ссылки мне было 16 лет, и я очень четко знал, чего хочу, — уехать в еврейское государство. Именно туда, а не в какое-либо другое место. Я жил в Москве, зарабатывал переводами, считался специалистом по экзотической теме — публиковал очерки о тайге, о горах, об охотниках, но никогда не писал на темы социалистического строительства.

Я пытался нелегально уехать еще в 1958-м, потом были еще попытки, но это удалось сделать после полутора лет в отказе только в 1972-м.

— *Израиль не разочаровал?*

— Нет, я принял его таким, каким он был. Никогда не рисовал его в своем воображении мини-Америкой или, наоборот, патриархальным еврейским местечком.

— *В свое время вы возглавляли Союз русскоязычных писателей Израиля. Русская (как и любая иноязычная) литература в Израиле — это литература одного поколения?*

— Безусловно. Но мой читатель сегодня везде, где доступны мои книги, — в том числе, и в Украине. Что касается русско-еврейской литературы, то она умерла после Второй мировой — об этом много писал мой брат, профессор Шимон Маркиш. Зато появилась израильская литература на русском языке, к которой я и принадлежу.

Беседовал Михаил Гольд